

УДК 316.61+159.923.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/18

ТИПЫ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ*

М.А. Абрамова^{1,2}, Г.С. Гончарова¹, В.Г. Костюк¹

¹ Институт философии и права СО РАН

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

² Новосибирский государственный университет

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

E-mail: marika24@yandex.ru; socis24@yandex.ru; kostyuk.

vsevolod@yandex.ru

Авторское резюме

Проблема межэтнического пограничья представлена на основе изучения влияния отношения респондентов к этносу, языковой среде, типа их самоидентификации на взаимодействие. Показано, как социокультурная специфика регионов влияет на представленность разных типов молодежи в составе населения. Выявлено, что специфика восприятия русской молодежью границ пространства состоит в совпадении их с границами страны. Для представителей титульных этносов в республиках имеют также большое значение республиканские и этнические маркеры. Сопоставление типов молодежи по предпочтениям полилингвистической и монолингвистической сред показало, что этническая идентичность менее всего значима для всех типов молодежи, индифферентных к этнической и монолингвистической среде проживания, и наиболее ценна для этноцентристов.

Ключевые слова: пограничье, типы идентичности, этническое самосознание, молодежь, межэтническое взаимодействие, аккультурационные стратегии, полилингвистическая и монолингвистическая среды, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях».

TYPES OF YOUTH IDENTITY AND INTERACTION IN THE ETHNIC BORDERLANDS*

M.A. Abramova^{1,2}, G.S. Goncharova¹, V.G. Kostyuk¹

¹Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences

8 Nikolaev Street, Novosibirsk, 630090, Russia

²Novosibirsk State University

2 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: marika24@yandex.ru; socis24@yandex.ru; kostyuk.
vsevolod@yandex.ru

Abstract

The problem of interethnic borderland is represented through the influence of the respondents' attitude to the ethnos, language environment, type of their self-identification for interaction. The "borderland" as a description of the socio-cultural specificity of the region where different ethnic and religious groups interact draws attention to the socio-cultural aspects of socialisation and enculturation of the individual. The process of self-identification is an example of the borderland dynamics in the aspect of intercultural communication. We hypothesised that the nature of interethnic interaction and the choice of identity strategies may depend on social and cultural characteristics of areas of residence and the dominant type of identity (civic, national, ethnic). The authors used a sociological questionnaire to conduct surveys in the republics of Sakha (Yakutia) and Khakassia from 2008 to 2012. It is revealed that the specific perception of Russian space boundaries by Russian youth is that it coincides with the borders of the country. Republican and ethnic markers are also of great importance for representatives of titular ethnic groups. Regional patriotism is more typical for natives of Siberia than for the Russians, whose "little homeland" is the whole Russia. The comparison of youth's types on preferences of nonlinguistic and polylinguistic environments has shown that ethnic identity is less significant for all types of young people who are indifferent to ethnic and nonlinguistic environment, though it is valuable for ethno centrists. The socio-cultural features of the regions influenced the attitude of the youth towards the choice of language for interethnic cooperation and formation of a sense of patriotism. In Yakutia, where the Russian ethnic group is smaller

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under Grant Nr. 18-011-00223 "The influence of linguistic and cultural specificity of the environment on the formation of attitudes of youth in interethnic relations".

than the titular ethnic group, self-identification as a citizen of Russia for the Russian youth is more significant in comparison with Russian in the Republic of Khakassia.

Keywords: Borderlands, interethnic interaction, types of identity, ethnic identity, acculturation strategies, polylinguistic and nonlinguistic environment, youth, Republic of Sakha (Yakutia), Republic of Khakassia.

Введение. Анализ понятия «межэтническое пограничье» обращает наше внимание на контекст его применения: обозначение территории (территория, находящаяся у границы); указание социокультурной специфики региона (территория, где исторически сформировано пространство для взаимодействия между различными этническими группами); выделение личностных особенностей (формирование особого типа человека).

«Пограничье» как термин, указывающий на особенности территории, активно используется. В данном контексте актуальность его рассмотрения обуславливается лишь изменениями в политической, экономической, демографической ситуациях. Хотя в конце XX – начале XXI в. как территориальный признак он актуален и в связи с миграционными процессами.

«Пограничье» как описание социокультурной специфики территории, на которой взаимодействуют различные этнические, конфессиональные группы, уже несколько снижает актуальность обращения к географии, а скорее фокусирует наше внимание на социокультурных аспектах социализации и инкультурации личности. Как писал М.М. Бахтин, вся культура «расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее» (Бахтин 1974: 265).

Использование термина «пограничье» в контексте описания особенностей личности может быть обусловлено спецификой территории, в целом отражать процесс самоактуализации личности, включающий этапы *самопознания*, *самоконструирования* (формирование человеком собственного образа и стиля жизни, а также достижение им аутентичности как возможности быть самим собой), *самоопределения* (определение человеком перспектив свободного развития и самосовершенствования, сохранение самости в проблемных ситуациях взаимодействия с миром), *самореализации* (мобилизация собственной воли к жизни для решения экзистенциальных проблем) (Резник 2012: 29).

Каждый из данных этапов требует от человека обозначения характеристик, предписывающих границы между «я» – «не я», «свой» – «чужой». Динамика изменения дифференцирующих маркеров придает границам неустойчивость, и, как следствие, то, что еще вчера могло

быть в зоне «не я» или «недопустимого», может завтра оказаться уже приемлемым, а значит, возможным для индивида и, возможно, частью его «я-концепции».

Проблема различий становится предметом исследования в работах постмодернистов Ж. Делези, Ж.Ф. Лиотара, З. Баумана, рассматривающих тождество как «оптический эффект» более глубокой реальности, являющейся бытием различий (Bauman 2004: 589). Острота различий в социальном контексте снимается процессом коммуникации, обеспечивающим пространство для взаимодействия субъектов (Ж. Деррида). Специфика понимания различий в постмодернизме состоит в попытке сгладить характерную для классической диалектики тенденцию к их обострению (Гречко 2012: 85). Так, Г.В.Ф. Гегель отмечает, что «мыслящий разум заостряет притупившееся различие разного, простое многообразие представления до существенного различия, до противоположности» (Гегель 1971: 68). Для постмодернизма приемлемым является единство как квазитожество, т. е. диффузное или рассредоточенное множество, онтологически выделяющееся качественно определенной взаимосвязью своих исходных элементов. Таким образом, личностные особенности индивидов, обуславливающие процесс их самоидентификации, являются не более чем динамичной версией их представления о самих себе. И, соответственно, дифференцирующие признаки, приписываемые как себе, так и другим, не являются статичными, их ценность в выстраивании диалога или поддержании оппозиции может постоянно пересматриваться, и, как следствие, граница, проходящая между «своим» и «чужим», будет постоянно изменяться. Как отмечал Я.Г. Шемякин, «граница перестает быть переходом от одного типа бытия к другому и сама становится бытием особого рода, качественно отличным от иных разновидностей устойчивого социокультурного бытия» (Шемякин 2008).

Постановка проблемы. Одним из ярких примеров динамики изменений пограничных зон в аспекте межкультурного взаимодействия являются процесс самоидентификации личности и использование его результатов, в том числе типов самоидентификации, для выбора стратегий поведения. В рамках нашего исследования мы предположили, что характер межэтнического взаимодействия и выбор личностью стратегий поведения могут быть обусловлены как социокультурными особенностями регионов проживания, так и доминирующим типом самоидентификации личности (гражданской, республиканской, этнической).

Методологические основания исследования. Для устранения бинарных оппозиций постмодернисты прибегают к методу деконструкции, позволяющему выявить и зафиксировать неопределенность,

которая есть как в теоретических, так и практических конструкциях. В результате на первый план в исследованиях выходят не имманентно присущие свойства, а ситуационно изменяющиеся отношения. Опираясь на логику постмодернистских исследований, мы применили социокультурный подход, в фокусе которого всегда находится взаимодействие общества, культуры и личности (Сорокин 2000), позволяющий «определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в каждом обществе, его социетальную природу, которые обуславливают сопротивление или принятие тех или иных культурных образцов» (Кирдина 2002). Продолжением постмодернистской логики рассмотрения индивида в рамках социокультурного подхода является позиция В.С. Щербакова, представляющего «человека как исторически изменчивую форму, которая является не только биологической и онтологической реальностью, но и социокультурной конструкцией, реализуемой в повседневных практиках жизни. В силу этого исследование человека с необходимостью предполагает обращение к социокультурным механизмам его становления, которые осуществляются как эволюция социальной организации, повседневных практик и технологий воспитания» (Щербаков 2008: 4). Теоретико-методологические аспекты социокультурного анализа получили развитие в работах А.С. Ахиезера, Л.Г. Ионина, Н.И. Лапина, С.Г. Кирдиной, Ю.М. Резника, Л.Л. Шпак и др.

Использование междисциплинарного подхода в исследовании проблем социокультурного взаимодействия позволило устранить одностороннее рассмотрение личности как объекта внешних воздействий социальной среды, культуры и, выделяя субъект-субъектный характер взаимодействия общества и человека, культуры и человека, изучить закономерности их развития в диалектическом единстве. Логика анализа общего, особенного и единичного в этих взаимодействиях вывела нас на исследование роли социокультурных типов молодежи в социальных процессах, выявление специфики формирования ее ценностных ориентаций и моделей поведения в зависимости от этничности и региона.

Методы исследования. Для построения содержательной типологии применены формальные методы классификации. Решение исследовательских задач выполнено на основе эмпирической типологизации, т. е. «устойчивость свойств типа находится путем многократного перебора свойств социальных объектов (или явлений), в отличие от теоретической, где критерии свойств выявляются путем логического анализа» (Ядов 1972: 191). Однотипными считались объекты, обладающие устойчивым сочетанием свойств. Инструментарий – социологическая анкета. В эмпирических исследованиях применялся метод

районированной выборки со случайным отбором респондентов на последнем этапе. Основанием для выборки являются материалы переписи населения, данные государственной статистики.

База исследования. Опросы проводились в республиках Саха (Якутия) и Хакасия с 2008 по 2012 г. Выбор республик обусловлен их экономической, геополитической, социальной и культурной спецификой как представляющих, с одной стороны, модель евразийской цивилизации, синтезирующей славянские, тюркские и арктические социокультурные составляющие, а с другой – регионы с разной долей русского населения (81,7 % в Хакасии, 37,8 % в Якутии) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности титульного и русского этносов с 1970 по 2010 г., тыс. чел. (Население СССР 1990; Всероссийская перепись 2010)

Республика	Этнические группы	Год			
		1970	1979	2002	2010
Саха (Якутия)	Саха (якуты)	43	36,9	45,5	49,9
	Русские	47,3	50,4	41,2	37,8
Хакасия	Хакасы	12,3	11,5	12	12,1
	Русские	78,4	79,4	80,3	81,7

Важно отметить, что тенденции по сокращению доли русских в Якутии сопровождаются и тенденцией по сокращению числа межэтнических браков (табл. 2), которая характерна для всех регионов.

Таблица 2

Состав моноэтнических и межэтнических семей (домохозяйств) в республиках Саха (Якутия) и Хакасия с 1989 по 2010 г., % в населении (Костюк, Гончарова 2015)

Республика	Типы семей							
	Межэтнические		В том числе «русско-титульные»		Моноэтнические семьи титульных этносов		Русские однородные семьи	
	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010
Саха (Якутия)	23,1	19,1*	2,75	2,56	27,0	41,5	42,6	34,1
Хакасия	19,2	14,8*	2,87	2,73	8,3	9,3	69,9	74,0

* Посчитано по модели Г.С. Гончаровой.

Анализ динамики количества межэтнических и моноэтнических семей также был выполнен в рамках исследования. В Республике Саха (Якутия) опрошены 3 830 чел., в Республике Хакасия – 1 843 чел. в возрасте от 14 до 30 лет. Но основные распределения мы пред-

почли рассматривать на выборке от 15 до 25 лет для уравнивания массивов. Опросы проведены в 32 средних общеобразовательных учреждениях, 22 учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также колледжах и 16 высших учебных заведениях и их филиалах в республиках Саха (Якутия) и Хакасия.

Результаты. В процессе анализа доминирования типов идентичности (российской, республиканской, этнической) представителям русской молодежи и титульных этносов предлагалось оценить, насколько важно для них осознавать себя: представителем своего этноса; гражданином России; жителем своей республики; сибиряком; представителем Севера (для молодежи Якутии); гражданином мира – по шкале «очень важно», «важно», «не важно». В табл. 3 представлены доли от ответивших, кто считает, что для них данный тип самоидентификации является важным.

Таблица 3

Гражданская, этническая и республиканская самоидентификация молодежи, % по группе

Республика	Этнические группы	Типы самоидентификации		
		российская	этническая	республиканская
Саха (Якутия)	Саха (якуты)	47,5	33,5	48,5
	Русские	72,5	28,5	10,5
Хакасия	Хакасы	49,5	43	35
	Русские	59,5	26,5	13,5

Результаты показали, что независимо от места проживания для русской молодежи более значимой оказалась российская идентификация и менее ценной – республиканская. Значимость республиканской и этнической оказалась более ценной для представителей титульных этносов в республиках. То есть региональный патриотизм более характерен для аборигенов Сибири, чем для русских, у которых «малая родина» – вся Россия.

Этническая самоидентификация более четко проявляется у саха и хакасов. При использовании метода типологии, позволившего нам разделить молодежь на типы со сформированным этническим самосознанием, «частично сформированным» и «не сформированным», было выявлено, что значимость этнической самоидентификации наиболее важна для тех, кто имеет сформированное этническое самосознание. Также важно отметить, что со снижением степени сформированности этнического самосознания значимость всех самоидентификаций во всех этнических и региональных группах, как правило, уменьшается.

Более детальное рассмотрение групп молодежи показало, что если отличия в значимости российской самоидентификации у потомков моноэтнических и полиэтнических семей проявляются незначительно, то разница в ценности республиканской и этнической уже более существенна. Так, среди хакасов, отметивших, что для них важна республиканская самоидентификация, 55 % были из моноэтнических семей и лишь 15 % – из полиэтнических (у саха 53 и 44 % соответственно). Значимость этнической самоидентификации у хакасов отличалась менее существенно – 50 и 36 %, а для саха данный маркер имел большее значение – 43 и 24 %.

Таким образом, представленные данные позволяют заключить, что если для русской молодежи границы пространства совпадают с российскими, то для представителей титульных этносов имеют большое значение республиканские и этнические маркеры. Региональные различия доли предпочитающих республиканскую и этническую типы самоидентификаций мы объяснили разным соотношением численности русской молодежи и молодежи саха и хакасов.

Одним из маркеров границ в рамках социокультурного подхода является, кроме этнической самоидентификации, язык. В ходе исследований респондентам были заданы вопросы: «Насколько важно для Вас жить среди людей своей национальности?» и «Насколько важно для Вас разговаривать на языке своей национальности?», т. е. были выбраны два важных признака этничности: общность этнической среды и общность языка. Сочетания ответов респондентов свидетельствуют о разной степени значимости проявления этничности в повседневной жизни. В итоге все респонденты были распределены по четырем группам:

1) считающие, что для них очень важно жить среди людей своей национальности и разговаривать на языке своей национальности (назовем их *этноцентристы*);

2) считающие, что для них очень важно жить среди людей своей национальности, но при этом не очень важно или вовсе не важно разговаривать на языке своей национальности. Таким образом, значимость этничности для них скорее проявляется в пространственно-средовом аспекте (назовем их *предпочитающие моноэтническую среду*);

3) считающие, что для них не очень важно или совсем не важно жить среди людей своей национальности, но очень важно разговаривать на языке своей национальности, что отражает скорее потребность в вербальном проявлении этничности, совпадении семиотической картины мира с людьми из круга общения (назовем их *предпочитающие монолингвистическую среду*);

4) считающие, что для них не очень важно или совсем не важно жить среди людей своей национальности и разговаривать на языке своей национальности (назовем их *этноиндифферентные*).

Данная классификация ценностных ориентаций в сфере межэтнического общения по степени значимости признаков этничности («этноцентризм – этноиндифферентность») в комбинации с другими проявлениями этничности позволяет, с одной стороны, рассмотреть ее влияние на различные стороны жизнедеятельности, с другой – понять причины, обуславливающие важность ее проявлений (табл. 4). На уровне субъективных факторов, как показали исследования Л.М. Дробижевой (Дробижева 2016), Г.У. Солдатовой (Солдатова 1998) и др., именно этноцентристские установки людей считаются причиной межэтнического напряжения и конфликтов.

При преобладании среди молодежи лиц, индифферентных к этнической и этнолингвистической среде проживания, заметно, что среди хакасов и саха доля таковых существенно выше, чем среди русских. В то же время русские юноши и девушки вдвое чаще, чем их сверстники саха и хакасы, предпочитают общение на родном языке (монолингвистическую среду): соответственно 36 и 17 % – среди русских в Якутии и саха, 40 и 23 % – среди русских в Хакасии и хакасов. Сказывается, по-видимому, тот факт, что русская молодежь в национальных республиках недостаточно хорошо владеет языком титульной этнической группы, в то время как молодежь титульных этнических групп владеет, как правило, и русским, и родным языком.

Таблица 4

Распределение молодежи по типологии «этноцентризм – этноиндифферентность», % по этническим группам и регионам

Социокультурный тип	Этнические группы и регионы					
	хакасы	саха	русские в Хакасии	русские в Якутии	по Хакасии	по РС(Я)
Этноцентристы	10	21	19	21	17	19
Предпочитающие моноэтническую среду	4	4	1	2	2	4
Предпочитающие монолингвистическую среду	23	17	40	36	33	23
Этноиндифферентные	63	57	39	40	49	55

Определенная часть (примерно каждый пятый) среди юношей и девушек саха и хакасов предпочитает монолингвистическую среду общения: из-за трудностей во владении русским языком, недостаточной адаптированности к полиэтнической среде, более

комфортного самоощущения среди людей «своего» этноса и по другим причинам.

В Хакасии социокультурный тип предпочитающих монолингвистическую среду представлен больше, чем в Якутии (33 и 23 % соответственно), т. к. он шире распространен и среди хакасов (чем саха), и среди русских.

Анализ возрастной динамики показал, что число предпочитающих монолингвистическую среду с увеличением возраста среди русских и в Якутии, и в Хакасии увеличивается.

В то же время предпочитающих моноэтническую среду проживания крайне мало – не более 5 %, а среди русских – 1–2 % (Абрамова и др. 2014). В условиях полиэтничной среды во всех уголках Сибири, как правило, трудно представить, как молодежи относительно немногочисленных народов можно реализовать такие предпочтения. Скорее всего, этот социокультурный тип объединяет индивидов, испытывающих определенные проблемы в межэтническом общении.

Тем не менее молодежи еще более радикального социокультурного типа – этноцентристов, для которых очень важно жить среди людей своей национальности и разговаривать на родном языке, – достаточно много: каждый пятый среди русских и саха, каждый десятый – среди хакасов. Мотивы этноцентристской ориентации могут быть разные: и межэтнические конфликты, и сепаратистские политические установки мировоззрения, и просто предшествующий опыт проживания в моноэтнической среде, кажущейся более комфортной и не требующей усилий к адаптации в полиэтничной среде. Но с увеличением возраста когорты этноцентристов становится меньше по всем выделенным этническим группам.

Большая доля русских-этноцентристов объясняется также предпочтением общения на родном языке, что в условиях национальных республик не всегда возможно. И тогда русские как этническая группа оказываются в довольно щекотливой ситуации: находясь вроде бы в своей стране, они имеют затруднения в выстраивании коммуникативного пространства, не зная языка титульного этноса конкретного региона.

Рассмотрим, существует ли взаимосвязь между предпочтениями респондентов определенной коммуникационной среды и их самоидентификацией (см. табл. 5).

Этническая идентичность менее всего важна для всех индифферентных к этнической и монолингвистической среде проживания социокультурных типов молодежи, а наиболее важна, как правило, для этноцентристов. Аналогичный вывод справедлив в целом и для других видов идентичностей – республиканской и общероссийской, за исключением этноиндифферентных русских в Якутии.

Таблица 5

**Виды самоидентификации социокультурных типов молодежи,
% ответов «очень важно»**

Этническая группа	Важно осознавать себя представителем...	Социокультурный тип			
		Этноцентристы	Предпочитающие моноэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Хакасы	этноса	68	69	76	35
	республики	78	76	62	42
	России	78	71	61	53
Саха	этноса	60	51	55	29
	республики	66	60	66	41
	России	48	42	53	45
Русские в Хакасии	этноса	50	38	30	18
	республики	23	31	16	8
	России	71	62	64	54
Русские в Якутии	этноса	52	29	34	16
	республики	15	14	13	7
	России	81	62	75	67
Вся Хакасия	этноса	53	55	38	23
	республики	29	50	24	18
	России	70	65	64	53
Вся РС(Я)	этноса	57	46	44	25
	республики	45	48	34	29
	России	61	44	64	52

Максимально высокие показатели значимости общероссийской идентичности – среди русских этноцентристов в Якутии (81 %) и этноцентристов-хакасов (78 %). Для хакасов этническая идентичность во всех типах, за исключением предпочитающих этнолингвистическую среду, менее значима, чем общероссийская и республиканская; у саха – обратная картина (за исключением группы этноиндифферентных). Для русской молодежи общероссийская идентичность во всех типах – самая значимая, а республиканская – наименее значимая, особенно для этноиндифферентных (всего 7–8 %), причем для всех типов русской молодежи Хакасии более значима республиканская идентичность, чем для соответствующих типов Якутии: так, среди этноцентристов показатели этой значимости соответственно 23 и 15 %, среди предпочитающих моноэтническую среду – соответственно 31 и 14 % и т. д. То есть для русской молодежи Хакасии, доминирующей

по численности среди других этнических групп, региональный патриотизм выражен несколько четче, чем в Якутии, где ее доля среди молодежи ниже, чем доля саха. Сказываются и различия в значимости этничности, роли языка и других факторов самоидентификации.

Можно сделать вывод, что если для индивида не очень ценно и жить среди людей своей национальности, и разговаривать на языке своего этноса, то для него не очень значима принадлежность и к своей этнической группе, и к региональному сообществу, и к гражданству России.

Также было выявлено, что этническая идентичность менее всего значима для всех типов молодежи индифферентных к этнической и монолингвистической среде проживания и наиболее ценна, как правило, для этноцентристов.

Исследование специфики взаимодействия личностей разных социокультурных типов с средой (учебный, поселенческий коллектив, круг друзей и т. д.) было выполнено на основе определения избираемых респондентами аккультурационных стратегий (табл. 6).

Таблица 6

**Аккультурационные стратегии социокультурных типов молодежи,
% в группе по типу**

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурный тип			
		Этноцентристы	Предпочитающие многоэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Хакасы	Интеграция	73	81	84	81
	Сепарация	12	6	12	3
	Ассимиляция	15	13	3	15
	Маргинализация	0	0	0	1
Саха	Интеграция	77	75	81	69
	Сепарация	15	13	11	7
	Ассимиляция	8	12	8	21
	Маргинализация	0	0	0	4
Русские в Хакасии	Интеграция	73	62	71	51
	Сепарация	5	5	2	2
	Ассимиляция	22	29	25	41
	Маргинализация	0	5	2	6

Окончание таблицы 6

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурный тип			
		Этноцентристы	Предпочитающие моноэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Русские в Якутии	Интеграция	75	77	69	53
	Сепарация	6	15	3	4
	Ассимиляция	18	8	25	35
	Маргинализация	1	0	3	8
Вся Хакасия	Интеграция	75	79	70	60
	Сепарация	7	9	5	4
	Ассимиляция	17	12	22	29
	Маргинализация	1	0	2	6
Вся РС(Я)	Интеграция	75	70	75	62
	Сепарация	11	14	7	6
	Ассимиляция	14	15	17	28
	Маргинализация	0	2	1	5

Анализ дифференциации респондентов по избираемым аккультурационным стратегиям показал, что молодежь в Хакасии и Якутии близка. Из существенных различий отметим, что в Якутии выше, чем в Хакасии, во всех социокультурных типах процент «сепаратистов» (среди этноцентристов – 11 и 7 % соответственно, среди предпочитающих моноэтническую среду – 14 и 9 % и т. д.). Общим же для республик является самая низкая (60 и 62 %) доля выбирающих стратегию интеграции среди этноиндифферентной молодежи, что в значительной мере определяется ориентацией русской молодежи, у которой этот показатель – самый низкий из всех этнических групп среди индифферентных к этничности (51 % – в Якутии, 53 % – в Хакасии, при 69 % – у саха и 81 % – среди хакасов).

Сравнение данных по стратегии интеграции среди различных социокультурных типов показал, что этноиндифферентность негативно влияет на формирование интеграционных установок у молодежи (т. е. снижает ценность как этнической, так и общероссийской идентичности).

Для хакасов и саха эта аналогия не вполне подходит: здесь среди этноиндифферентных высока доля избирающих стратегию интеграции (соответственно 81, 69 и 71 %) – по всей вероятности, этот факт

можно объяснить результатом осознания необходимости общаться на русском языке в условиях региона.

По мере перехода от этноцентризма к этноиндифферентности у русской молодежи также вдвое растет доля избирающих стратегию ассимиляции (18 и 35 % соответственно в Хакасии, 22 и 41 % – в Якутии) и маргинализации. То есть и в плане этих стратегий этноиндифферентность – фактор дезинтеграции. В то же время сепаратистские стратегии для русской молодежи менее характерны, чем для молодежи саха и хакасов.

Важно отметить, что самое большое количество склонных к интеграции среди молодежи саха и хакасов представлено в социокультурном типе предпочитающих монолингвистическую среду общения (81, 78 и 84 % соответственно). И в то же время для этого социокультурного типа характерна и самая низкая среди всех типов в этих этнических группах доля склонных к ассимиляции (8,4 и 3 %). Это естественно, поскольку приоритет общению на языке своей национальности отдают те, кто им владеет. Т.е. есть роль языка в выборе стратегий аккультурации для аборигенов Сибири – саха и хакасов – очень велика: знает родной язык – склонен к интеграции, а нет – к ассимиляции. Таким образом, мы можем заключить, что владение языком является как одним из важнейших маркеров, определяющих успешность взаимодействия в межэтническом пограничье, так и фактором, обуславливающим выбор аккультурационных стратегий молодежи.

Выводы. На примере исследования взаимозависимости различных типов самоидентификации, установок в отношении круга общения, выбора аккультурационных стратегий молодежью мы попытались проиллюстрировать, как социокультурная специфика регионов, в каком-то смысле представляющая в межкультурном взаимодействии пограничье, влияет на конструирование динамичной версии «я-концепции». Можно сделать вывод, что если для индивида не очень важно жить среди людей своей национальности и разговаривать на языке своего этноса, то для него не очень важны принадлежность и к своей этнической группе, и к региональному сообществу, и к гражданству России. В данном контексте можно утверждать, что его мир не имеет границ, определенных этноязыковой картиной жизни. Но данный вывод не обуславливает отсутствия границ вообще. Можно предположить, что в рамках использования других маркеров мы могли бы получить иную типологию молодежи, в которой границы были бы определены.

Одним из существенных результатов в рамках исследования проблемы межэтнического пограничья стало заключение о совпадении

для русской молодежи границ пространства с российскими и о ценности для представителей титульных этносов также республиканских и этнических маркеров.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова и др. 2014 - *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск, 2014. 197 с.

Бахтин 1974 - *Бахтин М.М.* К эстетике слова. Контекст-1973. М., 1974. С. 258–280.

Всероссийская перепись 2010 - Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.10.2017).

Гегель 1971 - *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: в 3 т. М., 1971. Т. 2. 248 с.

Гречко 2012 - *Гречко П.К.* Пограничье как социокультурная реальность // Вопросы социальной теории. 2012. Т. VI. С. 81–96.

Дробижева 2016 - Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.

Кирдина 2002 - *Кирдина С.Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: <http://kirdina.ru/public/socis2002n/index.html> (дата обращения: 13.10.2017).

Костюк и др. 2015 - *Костюк В.Г., Гончарова Г.С.* Взаимосвязь этнических типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 105–111.

Население СССР 1990 - *Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.

Резник 2012 - *Резник Ю.М.* Человек и его пограничье: между экзистенцией и трансценденцией // Вопросы социальной теории. 2012. Т. VI. С. 25–45.

Солдатова 1998 - *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.

Сорокин 2000 - *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.

Шемякин 2008 - *Шемякин Я.Г.* Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Н. Мосейко. М., 2008. С. 100–101.

Щербаков 2008 - *Щербаков В.П.* Социокультурные механизмы становления человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2008. 38 с.

Ядов 1972 - Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972. 240 с.

Bauman 2004 - Bauman Z. Liquid Modernity // Social Theory: The Multicultural and Classic Readings / ed. Ch. Lemert. 3rd ed. Westview Press, 2004. P. 589.

REFERENCES

Abramova, M.A., Goncharova, G.S. & Kostyuk, V.G. (2014) *Sotsiokul'turnye tipy molodezhi: etnicheskii i regional'nyy aspekty* [Socio-cultural types of youth: ethnic and regional aspects]. Novosibirsk: Avtograf.

Bakhtin, M.M. (1974) *K estetike slova* [Aesthetics of word]. Moscow: USSR AS. pp. 258–280.

Russia. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russia Population Census 2010]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm ((Accessed: 10th October 2017).

Hegel, G.W.F. (1971) *Nauka logiki* [Science of logic]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

Grechko, P.K. (2012) Pogranich'e kak sotsiokul'turnaya real'nost' [Border as a socio-cultural reality]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 6. pp. 81–96.

Drobizheva, L.M. (ed.) (2016) *Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Inter-ethnic harmony as a resource for the consolidation of the Russian society]. Moscow: RAS.

Kirdina, S.G. (n.d.) *Sotsiokul'turnyy i institutsional'nyy podkhody kak osnova pozitivnoy sotsiologii v Rossii* [Sociocultural and institutional approaches as basis for positive sociology in Russia]. [Online] Available from: <http://kirdina.ru/public/socis2002n/index.html> (Accessed: 13th October 2017).

Kostyuk, V.G. & Goncharova, G.S. (2015) Vzaimosvyaz' etnicheskikh tipov semei i mezhetnicheskikh vzaimodeystviy v sovremennoy Rossii [Relationships between ethnic types of families and ethnic interactions in contemporary Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosuniversiteta*. 13(4). pp. 105–111.

USSR State Statistics Committee. (1989) *Naselenie SSSR: Po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g.* [The population of the USSR according to the Soviet census of 1989]. Moscow: Finansy i statistika.

Reznik, Yu.M. (2012) Chelovek i ego pogranich'e: mezhdru ekzistentsiey i transtsendentsiey [People and their borderlands: between existence and transcendence]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 6. pp. 25–45.

Soldatova, G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl.

Sorokin, P.A. (2000) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovaniya izmeneniy v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy* [Social and cultural dynamics. Studies of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations]. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities.

Shemyakin, Ya.G. (2008) *Tsivilizatsii "pogranichnogo" tipa: formirovanie kontseptsii* [Civilisation of the "borderland" type: the formation of concept]. In: Sledzevskiy, I.V. & Moseyko, A.N. (eds) *Sotsiokul'turnoe pogranich'e kak fenomen mirovykh i rossiyskikh transformatsiy* [Sociocultural borderland as a phenomenon of world and Russian transformations]. Moscow: Librokom. pp. 100–101.

Shcherbakov, V.P. (2008) *Sotsiokul'turnye mekhanizmy stanovleniya cheloveka* [Social and cultural mechanisms of human evolution]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.

Yadov, V.A. (1972) *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological research: methodology, program, methods]. Moscow: Nauka.

Bauman, Z. (2004) Liquid Modernity. In: Lemert, Ch. (ed.) *Social Theory: The Multicultural and Classic Readings*. 3rd ed. Westview Press. pp. 589.

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, заведующая отделом социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН; профессор кафедры социальной философии и политологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия).

Mariya Abramova – Department of Social and Law Research, Institute of Philosophy and Law, SB RAS; Novosibirsk National Research State University (Russia).

E-mail: marika24@yandex.ru

Гончарова Галина Савитовна – сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН (Россия).

Galina Goncharova – Department of Social and Law Research Institute philosophy and law SB RAS (Russia).

E-mail: socis24@yandex.ru

Костюк Всеволод Григорьевич – кандидат философских наук, сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН (Россия).

Vsevolod Kostyuk – Department of Social and Law Research, Institute of Philosophy and Law, SB RAS; Novosibirsk National Research State University (Russia).

E-mail: kostyuk.vsevolod@yandex.ru